

Город, который построил Мельгунов

Заслуги преобразователя Ярославля общепризнанны, но память его никак не увековечена

20 февраля исполняется 290 лет со дня рождения первого ярославского наместника Алексея Петровича Мельгунова (1722 – 1788), чьей заслугой некогда увядавшая «столица Поволжья» в одночасье приобрела вид «европейского города».

Часто ли вы задумываетесь над таким парадоксальным фактом: нашему 1000-летию Ярославлю, великолепным ансамблем улиц и площадей которого мы так гордимся, в сущности, немногим более двух веков?

А как же, возражают преисполненные гордости за свою малую родину ярославцы, наши прекрасные храмы XVI – XVII веков? В том-то и дело: эти всемирно известные памятники достойную градостроительную оправу получили только в конце XVIII столетия. До того вся их жизнеутверждающая красота была хаотично разбросана в городском пространстве и ютилась в плену посадских избёнок, редких каменных строений и сплошного деревянного частотола. Время от времени пожары вылизывали подобные городские лабиринты, но вскоре на их месте возникали новые, ещё более затейливые и не менее опасные для жизни человека.

К моменту появления в Ярославле генерал-губернатора Алексея Мельгунова здесь едва ли насчитывалось и полсотни каменных домов. Они так же, как и посадские избы на курьих ножках, хороводили от Рубленого города к Земляному – как Бог на душу положил. Спустя двадцатилетие, в начале XIX века, казённых и партикулярных каменных строений, поставленных по мельгуновскому плану, насчитывалось уже более 300. И дело даже не в том, что губернский город наконец-то оделся в камень, – ведь не век же ему ещё было ковать деревенской со столичной судьбой, – а в том, что на его историческом пространстве был осуществлён поистине грандиозный художественный замысел. И энергия по «пересозданию Ярославля», как довольно точно однажды выразился Л. Н. Трефолов, всецело исходила от просвещённого екатерининского вельможи Алексея Петровича Мельгунова.

Екатерине II дважды, в 1763 и 1767 годах, довелось ступить на высокий ярославский косогор и остаться весьма впечатлённой местными природными и рукотворными красотами, и более всего сказочным узорочьем дивных храмов, как бы парящих над бескрайними волжскими просторами. Многим тогда остались памяты её слова: «Город Ярославль всем весьма нравится, и я почитаю его третьим городом из тех, которые я видела в России». Разглядела-таки царица-матушка в здешней грязи подлинных шедевры духа. Вот и выходит, повелевая в 1777 году А. П. Мельгунову быть первым ярославским наместником, императрица вручала ему то, что сама немало ценила.

Надежды государыни, которые при открытии Ярославского наместничества она возлагала на своего придворного сановника, полностью оправдались: став властелином огромного Северного края (помимо Ярославской губернии ему в разное время были подчинены территории Вологодского, Костромского, Архангельского наместничеств), Мельгунов энергично и талантливо «с нуля» создавал новые города и целые губернии, управлял обширными землями и по-новому организовывал жизнь полуторамиллионного населения «здешней страны» (по совокупной площади вполне сопоставимой, к примеру, с территорией Франции).

В Ярославле открывались учебные заведения для дворянских детей и детей других сословий, велись серьёзные разыскания по истории края, проводились географические исследования, была основана первая вне столиц частная типография, выходил первый русский провинциальный журнал «Уединённый пошехонец», в доме наместника кипела театральная жизнь. Триумфом мельгуновской культурной политики явилось сооружение в 1786 году на частные пожертвования ярославских граждан Дома призрения ближнего – по тем временам подлинного дворца, принявшего под вышнюю кровлю многочисленных детей-сирот и бесприютных стариков. В провинциальной России той поры это был едва ли не уникальный благотворительный проект, активно поддержанный различными сословиями города.

Однако наиболее зримые результаты этой политики воплотились в новом культурном ландшафте старинного города на Волге, в строгой и праздничной планировке его улиц и площадей, рождённой смелым замыслом А. П. Мельгунова и его помощников. Всего год понадобился наместнику, чтобы предрешить план кардинальной перелицовки губернского города, высочайше «конфирмованный» императрицей 19 марта 1778 года.

Малоизвестен такой любопытный факт: к началу ярославской «эпохи Мельгунова» здесь уже был план большой перестройки города, начертанный после опустошительного пожара 1768 года и получивший в следующем году «конфирмацию» Екатерины II. Однако ярославцы, вопреки рескрипту венценосной матушки, как-то вяло реагировали на этот государственный проект. Их вкусам, очевидно, претила огромная прямоугольная, видом будто саяная, площадь в самом центре города. От Ильинской церкви, приулюлившейся тут словно бы сиротливо, как-то сбоку, площадь простиралась на запад и завершалась на другом её конце небольшим каре проектируемого гостиного двора. Во всём тогдашнем городе, похоже, только здесь предусматривался простор и воздух, и то, пожалуй, исключая ядрёные дни ярмарочных торжищ. Всё же прочее городское пространство должно было застраиваться плотной «классической» сеткой кварталов, – да-да, включая и неприкосновенный ярославский сакрум – кремль – Стрелку! Местные купцы ныли, дескать, разоримся вонец, так неблизко нам будет с причалов добираться до своих лавок гостинодворских... Будь Мельгунов некультурным человеком и держимордой, плюнул бы на писк комариный и привёл бы в исполнение своим административным ресурсом залежавшийся матушкин указ. Ну, и в каком городе мы бы сейчас жили?!

Задумал Алексей Петрович новый план Ярославля – и дружная работа закипела. Ожило всё общество – разом поверили и поддержали государева наместника. Ну и что, что с насиченных веками мест пришлось сниматься, распрощаться кому с богатой усадьбой, кому с дряхлой избушкой, а кому и с выжженным пустырём – не в Сибирь же переезжаем, а на другую улицу, да к тому же за казённый кошт на обустройство. Умел Мельгунов с народом говорить и щедро, как свидетельствуют источники, платил переселенцам. Да предписывал, где и какой магистраль быть, куда поставить очередной дворец...

Всех улиц в городе наместили 86, а сами

кварталы расположили меж трёх основных «прурублинных» линий. Волны кольцевых магистралей разбегались от центра по радиусам этих спрямлённых старинных дорог, почти повторяя очертания первой дугообразной волны – бывшего городского вала. Давно обветшалые стены и башни Земляного города тоже разобрать, и по линии древних валов и ровов уже наместились будущие широкие бульвары. Прогуляйтесь как-нибудь в хорошую погоду не спеша по Первомайскому бульвару от Волги до площади Волкова и мысленно далее – до Угличской башни Спасского монастыря и меланхолично представьте себе эту грандиозную «стройку социализма» галантных мельгуновских времён...

А что же наш всемирно узнаваемый и чтимый исторический элизиум – с его уникальными памятниками предшествующего «золотого» столетия? Здесь-то как раз и оказался тогда эпицентр мощных градостроительных тектонических сдвигов. Замыслом творцов нового Ярославля двигало гениальное прозрение – органично соединить старину и новизну. Казалось бы, простое решение, но в том-то и дело – как так соединить, чтоб это хрупкое достояние прошлого не заглохло, не задохнулось в крепких объятиях передового? И удачный ребрендинговый ход был найден. Куда бы ни направил путник свои стопы, шествуя вдоль фасадов вновь рождённых улиц, – везде его встречал старинный храм или древняя башня. Слово каждый экспонат города-древлекарнилица получил свою роскошную витрину. Оттого и возникало ощущение пространственной законченности, обволакивающей гармонию уютного городского пейзажа, а само движение по такой улице наполнялось «новым» духовным смыслом – дороги к храму, истине и Богу.

Свершилось так, что главная ярославская жемчужина – церковь Ильи Пророка, местоположение которой в Земляном городе почти совпало с его геометрическим центром, явилась и отправной точкой всей градостроительной композиции. Как тут нам не благодарить Мельгунова за хороший вкус? Образовавшаяся на одной оси с храмом, параллельно с Волгой, анфилада трёх площадей – Ильинской, Плац-парадной и Соборной – торжественно раскрывала центр

Понадобилось менее десятка лет, и вся центральная часть Ярославля была заново выстроена. По намеченным мельгуновским планом красным линиям вытягивались улицы, образовывались площади, на них поднимались дотоло не виданные дворцы.

Ярославля. Исходившие из точки с храмом лучи двух улиц вели к средневековым башням – Угличской и Власьевской. На линиях этих наклонных осей расположились верхние углы явившейся из небытия трапецевидной площади, над которой величественной доминантой вознёсся и воссиял Ильинский храм.

Рождённую красивейшую площадь, по воле Алексея Петровича сделавшуюся административным центром города, обрамили ансамблем зданий Присутственных мест и дворца наместника (изумительной красоты, он простоял только десятилетие, и солдафонским указом Павла I был разобран на казарменный кирпич). Поразительная визуальная соразмерность пространства и высот площади – а ведь стоящие тут здания в два с половиной раза ниже самого храма! – незабываемо впечатляет каждого, кто хоть раз здесь побывал. Однако творцами ярославского плана, как проекта идейно осмысленного, преследовалась цель гармонии не только эстетической, но духовно-нравственной. Культурологу Евгению Ермолину принадлежит мысль о том, что в зримом образе Ильинской площади нашла воплощение главная идея манифестации наместника – здесь соединились Вера и Закон. Храм как источник божественной благодати соседствует с Присутственными местами, корпуса которых «могут быть поняты как листы раскрытой книги Закона». Непосредственная близость к площади Дома призрения ближнего указывала и на воплощённое Милосердие – ещё одно мощное основание культурной политики Алексея Мельгунова.

Понадобилось лишь менее десятка лет, и центральная часть Ярославля была заново выстроена. По намеченным мельгуновским планом красным линиям вытягивались улицы, образовывались площади, на них поднимались не виданные дворцы, вырисовывались нечелюстные вереницы гостинодворских архитектурных ансамблей. Придачу к вышеперечисленным памятникам – духовной семинарии (данный палаццо – близкий по архитектуре к творениям венецианского Растрелли, более известен как дом городского головы И. А. Вахромеева), медицинской академии (здесь изначально помещалась городская дума), мэрии (дом вице-губернатора)... Восхищению современников от нахлынувшей в город новой впечатляющей красоты было предела. Один из таких восторженных похвал вознёс в торжественных стихах похвал плану Мельгунова, «которой в новизне наш град преображает, и славу тем его расширяет»...

Ещё в середине XIX века, на страницах первого ярославского путеводителя, было отмечено: «Огромная Ильинская площадь её великолепной обстановкою, одна из величайших в России – величественный памятник не только губернатору Алексею Петровичу Мельгунову». Ярославль и теперь, несмотря на трагические утраты своих памятников в XX веке, радуется своим строгим, лаконичным и одновременно нарядным обликом, являющим миру из лучших градостроительных образцов своей провинции эпохи классицизма. Здешняя старина в эпоху наместника Мельгунова почтительно обрамлена в восхитительную классическую раму. Не случайно именно это пространство – уникальное городское достояние XVII – XVIII столетий – уже в наше время лужило поводом для внесения Ярославля в список объектов всемирного культурного наследия ЮНЕСКО.

Заслуга первого ярославского наместника – генерал-губернатора Мельгунова в создании поистине уникального города, которому в XX столетие восхищаются и сами ярославцы, многочисленные его гости, оказалась бесспорной. Это понимали как современники «на ярославского возрождения», так и его ближайшие потомки. Краевед И. Д. Троицкий, в самой ранней опубликованной истории Ярославля, в 1853 году писал: «Можно вообразить, каких трудов и усилий стоило деятелям Мельгунову привести в исполнение новый план, и, так сказать, построить почти новый город. Дому призрения ближнего, который тот же Мельгунов называл «лучшим из памятников доброты просвещённого Мельгунова в Ярославле», почти полтора столетия трепетно почитали память его первого благодетеля. Здесь же в портрете галерее благотворителей дома всё это и сейчас находится и знаменитый портрет наместника Мельгунова. Когда в 1888 году в Ярославле отменилось столетие со дня кончины А. П. Мельгунова, к его могиле в Толгском монастыре собрались не только воспитанники основанного им «школы доброты», но и многочисленные ярославцы, включая первых лиц города – губернаторского и городского головы. После панихиды, которую возглавил архиепископ Ярославский и Ростовский нафаан, всем присутствовавшим была роздана брошюра Л. Н. Трефолова с биографическим очерком А. П. Мельгунова и вклеенным в неё снимком с его портрета из галереи Дома призрения ближнего.

Память о первом ярославском наместнике – генерал-губернаторе А. П. Мельгунове и по сей день жива. Но задумаемся: всё ли мы сделали и делаем для того, чтобы в полной мере воздали заслугам и памяти выдающегося народного деятеля? В красивейшем городе Поволжья, некогда преобразённом умом, талантом и волей Алексея Петровича, сегодня почти не осталось ни одного памятника. По-прежнему здесь не на улицах его имени, ни памятника, ему посвящённого, ни даже мемориальной доски. И по сей день вопрос рядовому ярославцу – так кто же такой Мельгунов? – увы, окажется всем нам непростым ответом.

Ярослав СМИРНОВ, историк, член Археографической комиссии Российской академии наук

НОВОСТИ СПОРТА

Победа далась непросто

Ярославский «Локо» одержал третью подряд победу в чемпионате молодёжной хоккейной лиги. 16 февраля молодые «железнодорожники» со счётом 2:0 выиграли у «Динамо-Шинника» из Бобруйска.

В этом матче наставник ярославских хоккеистов Игорь Горбенко сделал ряд перестановок в атаке, а также дал возможность проявить себя недавно оправившемуся от травмы защитнику Павлу Колесову. Впрочем, в содержательные игры это не повлияло. «Локо», как и в предыдущем матче с «Юностью», мало создавал

на 31-й минуте капитан ярославцев Николай Красотин открыл счёт. Следующей шайбой болельщикам пришлось опять ждать больше двадцати минут. За три с половиной минуты до конца встречи забил защитник Александр Петров.

Следующую игру подопечные Игоря Горбенко проведут сегодня. В гости к ярославцам

ПО СТРАНИЦАМ СТАРЫХ ГАЗЕТ

О чём «Северный край» писал 110 лет назад

ПОШЕХОНЬЕ. Что город – то нор, что село – то обычай. В силу 25-й статьи «Временных правил о волостном суде», волостной суд решает дела по совести на основании имеющихся в деле доказательства.

При разрешении же тяжб между крестьянами суд руководствуется местными обычаями. Что такое представляют собой местные обычаи, может иллюстрировать следующая картина.

Вопрос возник в том, кто наследует после наследодателя, умершего бездетным, и оставившего после себя жену, братьев и сестёр? Однородные дела по этому вопросу возбуждались в Николо-Раменском. Хол-

Третий волостной суд отдал всё имение жене умершего наследодателя в пожизненное владение с тем, чтобы после смерти её оно поступило к братьям и сестрам умершего.

Четвёртый суд, положив в основу своего решения тот принцип, что наследует тот, кто помогал наживать имение, присудил имение жене покойного и жившей с ним сестре, отстранив брата покойного.

Итак, сколько судов, столько же оказалось и местных обычаев. Местный волостной суд может знать эти обычаи и может сообразоваться с ними, но как поступать апелляции инстанции – уездному съезду, и кассационной – губернскому

Заметим, что по делам о наследстве крестьяне зачастую обращаются и в уездные суды, когда, например, остаётся собственная ненадежная земля.

Последние производят раздел на 10-е X тома Свода законов гражданских, решения бываю часто диаметрально противоположными решениям волостных судов.

Этим окончательно подрывается авторитет волостного суда среди крестьян, которые теперь уже свои собственные суды называют в насмешку «лапотными».

К КУСТАРНОЙ ВЫСТАВКЕ ЭКСПОЗИЦИИ ТЫ БУДУТ ПРИНИМАТЬСЯ В ГУБЕРНСКОЙ